

Владимир Станиславович Дробышевский
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: drobysh45@rabler.ru

Российское право в свете синергетического подхода

В статье рассмотрен вопрос о развитии российского права с философских позиций, с учётом теоретических посылок системного и особенно синергетического подхода. Правовая система представлена как разновидность смешанных систем. Системный подход с необходимостью приводит к синергетике. В статье раскрываются основные понятия синергетического подхода: «точка бифуркации», «флуктуация», «энтропия». Трудность применения синергетического подхода к анализу права состоит в том, что этот анализ должен предваряться анализом макросистемы – культуры. Действительное применение синергетического подхода по отношению к праву, правовой культуре, требует достаточно определённого выделения подсистем как права (правовой культуры данной страны), так и других культурных подсистем, которые, наряду с правовой культурой, образуют систему данной национальной культуры.

Ключевые слова: системный подход, система права, правовая система, правовая культура, синергетика, бифуркация.

Vladimir Stanislavovich Drobyshevsky
Doctor of Philosophy, professor,
Trans-Baikal State University
(Chita, Russia), e-mail: drobysh45@rabler.ru

Russian Law in Light of the Synergetic Approach

The article addresses the issue of Russian law development in philosophy with reference to the systemic and especially the synergetic approach. The legal system is presented as a kind of hybrid systems. The systemic approach necessarily leads to synergetics. The article describes the basic concepts of the synergetic approach, “bifurcation point”, “fluctuation”, and “entropy”. The difficulty in applying the synergetic approach to the analysis of law lies in the fact that it should follow the analysis of the macrosystem, i.e. culture. The actual application of the synergetic approach to the law and legal culture requires a rather specific selection of subsystems such as law (the legal culture of the country) and other cultural subsystems, which together with the legal culture, form a system of the national culture.

Keywords: systematic approach, law system, legal system, legal culture, synergy, bifurcation.

Формулировка Конституции Российской Конституции о формировании в нашей стране правового государства остаётся предметом научного анализа. Ещё при выработке вариантов, моделей Российской Конституции в сложнейшем 1993 г. возникли вопросы, значимость которых не снижается и по настоящее время. Разработанный видным российском юристом С. С. Алексеевым первый «ельциновский» вариант в силу известных событий 1993 г. был отклонён и заменен на тот, который и был принят в декабре 1993 г. Собственно сравнительно-правовой анализ данных документов был дан в многочисленных работах самого проф. С. С. Алексеева. Однако представляется необходимым рассмотреть вопрос о развитии

российского права с философских позиций, с учётом теоретических посылок системного и особенно синергетического подхода, поскольку сами юристы, начиная с П. И. Новгородцева – классика российской философии права, вполне определённо говорили о кризисе права.

В настоящее время наиболее часто среди методов общественных наук упоминается системный. Системный метод возник в связи с анализом не общественных, а других, биологических и механических, систем. Ряд учёных считает, что его применение для анализа общества дано К. Марксом в «Капитале» [см.: 9]. В настоящее время развитие этого метода в большей степени отождествляется с работами математиков и специалистов по теории систем.

Несмотря на достаточно длительную и имеющую определённые традиции в отечественной науке историю своего развития, системный подход¹, как считает ряд учёных, часто выступает в превращённых формах структурного, функционального и структурно-функционального подходов². Оригинальные разработки системного подхода связаны именно с исследованием проблем культуры [7]. Поскольку говорить о системах можно, прежде всего, в их самом общем разделении на механические, биологические, социальные, то в рамках социальных систем правильнее использовать понятия «принцип системности» или «системный подход». Впрочем, можно согласиться с М. С. Каганом, что при рассмотрении культуры как системы применяется «системный стиль мышления» как специфическая парадигма современной науки.

Несмотря на то, что системный метод даже как «системный стиль мышления» применим, строго говоря, лишь ко всей культурной системе, в правовой теории имеются попытки прямого применения системного подхода [см., напр.: 8]. Эти попытки связаны с определённой трактовкой имеющих в теории государства и права понятий, прежде всего, «система права» и «правовая система».

Системный анализ предполагает рассмотрение предмета исследования как единства элементов, взаимодействие которых обеспечивает появление интегративного свойства, придающего данному объекту (системе) качественную определённость. Традиционно понятие системы права исходит из того, что право состоит из совокупности норм, которые обладают определённым единством и одновременно подразделяются на отрасли и институты. Такой подход оказывается не вполне адекватным методу по ряду причин. Во-первых, постольку, поскольку системный анализ полагает рассмотрение всей системы общественных отношений. Понятие «система права» скорее ориентирует нас на включение права в систему общественных отношений. Однако это включение

не может быть осуществлено только в рамках юридических понятий. Кроме того, систему как целостность нельзя дробить до бесконечности, не разрушая её «автономности» [см.: 7].

Ряд исследователей считает наиболее перспективным рассмотрение правовой действительности в виде целостного образования, с их точки зрения, «правовая система даёт возможность не только охватить собой весь комплекс правовых явлений, но и представить в системной связи организацию и взаимодействие всего правового как особого феномена нашей жизни» [см., напр.: 10]. Правовая система при этом рассматривается как комплекс социально-юридических компонентов различной природы, характеризующийся относительной самостоятельностью и стабильностью, качественной определённостью (правовое регулирование).

Правовая система может рассматриваться как разновидность смешанных систем (системный комплекс). Целью, результатом действия правовых систем является упорядочение общественных отношений в соответствии с объективными требованиями, считают некоторые авторы. При этом процесс правового регулирования обеспечивается взаимодействием трёх компонентов: сознания – идеального; деятельности – реального; правил поведения – формализованных моделей, содержащихся в законодательстве или судебной практике.

Учитывая эту структуру и механизм функционирования правовой системы, включающий как объективные, так и субъективные факторы, можно отметить, что в этой структуре отсутствует язык, знаковая система, носящая объективно-субъективный характер. Право также имеет объективно-субъективную природу. В конечном счёте, право включается в культуру именно через определённую знаковую систему. Если же учесть, что, по определению Г. Г. Шпета, язык – вместилище значений, многофункциональная система, служащая целям выражения, сообщения, именованья³, то включение права в систему культуры может быть осуществлено через категорию правовой культуры, которая у нас в настоящее время используется в чрезвычайно узком значении, несмотря на её достаточно сложную структуру.

³Ещё более раскрывает роль языка, знаковой системы как интегратора всей культуры, не только как национальной, но именно как системы, подход П. Флоренского, а также Ю. Лотмана. См.: Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотических систем. М., 1974.

¹В науке различаются понятия «принцип системности», «системный подход» и «системный метод». Мы применяем эти понятия практически как тождественные, с учётом тех замечаний, которые будут сделаны ниже.

²Структурный, функциональный и структурно-функциональный подходы имеют собственное познавательное значение, но отождествление их с системным подходом, на наш взгляд, неправильно.

Системный подход с необходимостью приводит к синергетике (от греч. «Synergia» – содействие, соучастие. Именно с его использованием и связаны наибольшие трудности.

Синергетический подход сравнительно нов для российской социальной философии, хотя его развитие связано с именами российских мыслителей¹.

Этот метод отражает особенности функционирования самоорганизующихся систем, которые переходят на другой уровень развития. Синергетический подход (синергетика) предоставляет категориальный аппарат для выражения переходных процессов от одной системы к другой. Его основными понятиями являются: «точка бифуркации», «флуктуация», «энтропия». На первый взгляд, различие между, например, понятиями «точка бифуркации» и «социальная революция» непринципиально. На самом деле роль случайности, свободы в точке бифуркации не просто велика, она фундаментальна, что полностью противоположно взгляду на развитие системы с позиций концепции социальной революции. Бифуркация – определённая фаза развития, для которой характерно исчезновение прежнего системного качества. Синергетический подход описывает развитие нестабильных, диссипативных систем² и предполагает непредсказуемость

результата этого развития. Данный подход является развитием нового рационализма. Существует достаточно аргументированная точка зрения, что синергетический метод неприменим в качестве метода в отдельной области науки специалистами только данной науки, поскольку он имеет междисциплинарный характер. «Синергетика представляет собой, скорее всего, некую программную методологическую установку, призванную объединить под своим флагом усилия специалистов разного профиля: физиков, математиков, химиков, биологов, лингвистов, социологов, занятых каждый в своей области исследованием процессов самоорганизации» [2]. Для права это замечание особенно важно, поскольку имеется не только отмеченная выше трудность включения правоведа в область других наук, но и наоборот. Если философы, политологи, социологи, психологи достаточно просто находят общий язык, то знаковая, понятийная система юриспруденции настолько специфична, настолько связана с формально-логическими методами, что предварительно требуется выработка общей знаковой системы. Можно предположить, что это может быть сделано только в результате осмысления общекультурных проблем и усиления в юриспруденции роли философии права. Поэтому, размышляя о применении синергетического подхода в праве, правильнее говорить о «стиле мышления», как в общем случае системного подхода.

Несмотря на то, что синергетический подход сравнительно молод, к тому же разработан преимущественно в жёстко формализованном, математизированном варианте [см.: 18], есть множество попыток использования его обществоведами. Имеются многочисленные варианты применения этого метода (стиля мышления) к анализу самых различных систем [см.: 12].

Поскольку право переживает момент качественного изменения, встаёт вопрос о применимости к нему синергетического подхода [3]. В связи с тем, что мы наблюдаем кризис культуры как определённой системы, с соответствующим изменением путей её развития [см., напр.: 13], изменением нравственных, политических, экономических и других принципов, то этот процесс захватывает и право как подсистему культуры. Трудность применения

¹Одним из главных теоретиков синергетики является И. Пригожин.

²Диссипативные структуры характеризуются следующими свойствами:

– они когерентны, т. е. ведут себя как единое целое и структурируются так, как если бы, например, каждая «молекула», входящая в макросистему, была «информирована» о состоянии системы в целом (своеобразная монадология Лейбница);

– флуктуации, происходящие в системе, вместо того, чтобы затухать, могут усиливаться, и система эволюционирует в направлении «спонтанной» самоорганизации;

– диссипативные структуры способны «запоминать» начальные условия своего формирования и, проходя через точки бифуркации, «выбирать» одно из нескольких возможных направлений дальнейшей эволюции;

– эволюция таких систем содержит как детерминистические, так и стохастические элементы, представлял собой сопряжение необходимости и случайности;

– неравновесность как исходное состояние представляет собой источник самодвижения системы;

– время оказывается не безразличным для системы внешним параметром, как это было в классической или квантовой механике, а внутренней характеристикой физических систем, выражающих необратимость процессов в этих системах.

синергетического подхода к анализу права, на наш взгляд, состоит в том, что этот анализ должен предваряться анализом макросистемы – культуры. Переход человеческой культуры как системы из одного состояния к другому также должен быть описан в терминах синергетики. Если же речь идёт о развитии национальной правовой культуры как подсистемы национальной культуры, то это относится и к подсистеме национальной культуры.

Следует учесть и замечание теоретика синергетики Хакена: «Во многих дисциплинах, мы часто наблюдаем, как кооперация отдельных частей системы приводит к макроскопическим структурам или функциям. Синергетика в её нынешнем состоянии фокусирует внимание на таких ситуациях, в которых структуры или функции систем переживают драматические изменения на уровне макромасштабов. В частности, синергетику особенно интересует вопрос о том, как именно подсистема или её части производят изменения, всецело обусловленные процессами самоорганизации» [19]. Этот вариант менее близок к холизму, но он также предполагает выход за рамки подсистемы, изучение влияния изменений предварительно выделенных подсистем на систему. Возрастает в новых условиях также и значение этики. Пригожин и Стенгерс замечают, что «старое априорное различие между научными и этическими ценностями более неприемлемо» [14]. Следовательно, действительное применение синергетического подхода по отношению к праву, правовой культуре, требует достаточно определённого выделения подсистем как права (правовой культуры данной страны), так и других культурных подсистем, которые, наряду с правовой культурой, образуют систему данной национальной культуры.

Существует ещё одна трудность применения синергетического подхода к правовой культуре. Известно предложенное Аршиновым и Свирским различие синергетики первого порядка (синергетика познаваемых систем) и второго порядка (синергетика познающих систем) [см.: 1]. В правовой культуре роль как субъекта, так и субъективного с объектом исследования не может не учитываться. Синергетический подход выдвигает ещё большие требования к самому исследователю, его этическим характеристикам, его мировоззрению. На первое место

выходит вопрос о духовности исследователя. «Мы присутствуем при переходе от науки, понимаемой как источник власти над миром (моноцентрическая модель), к науке, понимаемой как личный путь и внутреннее преобразование исследователя. Исследователь стремится не к власти, но к восстановлению внутренней связи с реальностью, Космосом, к восстановлению правильного, должного отношения к Миру и к передаче этого видения Мира-Реальности ищущим истину последователям (полицентрическая модель)» [15].

Этот центральный пункт синергетического подхода, определяющий качественное изменение рационализма старого типа в новый рационализм, при ближайшем рассмотрении оказывается одной из основных посылок русской философии права. Впрочем, не только философии права. Напомним, что Ф. Кони был одним из творцов так называемой судебной этики, которая исходила из посылки русской философии права о приоритете духовности.

Имеются довольно удачные попытки применения синергетического подхода к проблемам цивилизации, которые могут служить исходной моделью применения синергетического метода к анализу права.

Описание бифуркационной точки даёт Лотман. Бифуркация определяется им как «взрыв». «Настоящее – это вспышка ещё не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью – в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность... Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент из другой системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего движения. Однако на следующем этапе он уже создаёт предсказуемую цепочку» [11].

Для права важное значение имеет проблема знаковой системы, понятийной модели, составленной из правовых терминов. Следует помнить, что «замкнутые пространства идеализированных конструкций, в которых действует «разрешающая» способность точной рациональности технологического типа, направленная на полное овладение идеализиро-

ваным предметом, на манипулирование им, являют собой «островки» в открытом океане не артикулируемой, не осваиваемой на этих принципах реальности» [20]. Понятийная система правовой науки всегда отличалась весьма высокой степенью артикулируемости. В условиях развития синергетического типа бифуркационной фазы, повышения частоты точек бифуркации требуется снижение степени артикулируемости, что может быть сделано опять-таки через установление диалога между философско-правовой знаковой системой и языком позитивного права.

В связи с этим в новых формах, на новом этапе развития культуры и права встаёт проблема внерациональных форм сознания, взаимоотношения религии и права. «Поскольку синергетическое видение реальности «разрешает» интуитивное достраивание бытия, характер такой достройки может иметь самостоятельный интерес» [5]. В связи с этим вопрос о развитии методологии права приобретает ещё более сложный характер, это вопрос о возможностях интуитивистского подхода в праве.

Выясним истоки идей синергетики. Отмечено, что при рассмотрении проблем синергетики мы попадаем в ситуацию «узнавания», «припоминания» синергетики. Оказывается, многие её основополагающие принципы были сформулированы задолго до естественно-научных открытий середины XX в. Но касались они отношения человека, стремящегося стать личностью, с Богом. В этой связи обращает на себя внимание опыт православного исихазма, в рамках которого понятие синергетики нашло глубокую проработку [см.: 4]. Исихазм сыграл большую роль в развитии православия. Ведущий свою историю ещё со времен Византии, он ставил вопрос о путях единения человека с богом. Если на ранних стадиях своего развития исихазм трактовался как этико-аскетическое учение, то в конце XIX – начале XX вв. исихазм приобрёл новое, философское звучание. Разработка Н. Ф. Федоровым философии общего дела, трактуемого как организация мировоздействия, привлекла внимание таких крупных религиозных мыслителей, как П. Флоренский, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий [см.: 17]. Переосмысление проблемы деятельности как «реального вхождения в недра Божественного Троиства», соединяемой

с идеей духовного перерождения, единства действий всех индивидуумов, по сути дела по-новому поставило проблему общественной системы и её саморегуляции. Неожиданные аспекты связи православия и синергетического подхода в русской философской мысли прослеживаются при рассмотрении вопроса о неклассическом рационализме.

«Открытая рациональность», – отмечает Швырёв, – не может быть обеспечена той степенью технологического методологизма, который возможен в ситуациях «закрытой рациональности». Это означает, что противопоставление научного и религиозного подходов к анализу общественных явлений и, прежде всего, его регулятивной сферы, права в частности, должно быть оставлено в XIX и XX вв.

Такой вывод ставит ряд новых проблем. Прежде всего, вопрос о возможности религиозного концептуального сознания. На этот счёт имеется следующая точка зрения: «любая форма рационализации, какой бы гибкой и утончённой она ни была, не может превратить религиозное сознание, взятое в напряжённости его личностного экзистенциального опыта, в концептуальное мышление с его четкими понятиями, обладающими объективированным содержанием» [21].

Для верующего человека особенности личностно-экзистенциального опыта выступают в контексте религиозной веры. Действительно, всякий живой опыт, всякая живая человеческая деятельность, как бы рационализированы и технологизированы они ни были, с необходимостью предполагают этот нередуцируемый к внешней данности момент личностного духовно-душевного усилия. А в нестандартных формах мироотношения, связанных с напряжённостью личностного экзистенциального опыта, указанные выше черты особенно бросаются в глаза.

Это отнюдь не исключает возможности осмысления с позиций рациональности этих форм опыта, во всяком случае, в смысле фиксации, так сказать, их граничных условий, их принципиальной структуры. Рационализацию определённого типа опыта представляет собой, к примеру, анализ соотношения рациональности и религиозной веры. «Это относится и к анализу в так называемой иррационалистической философии, в культурологических и когнитивных дисциплинах феноменов, не укладывающихся в привычные рамки рационального

сознания» [см.: 22]. Тем не менее, специфика работы рационального сознания заключается в том, что «объективация здесь никогда не может быть полной, исчерпывающей, в результате чего остается открытое пространство «загадки», «тайны».

Казалось бы, такой ход рассуждений должен полностью развести научное познание и религиозные формы постижения, несмотря на торжество «неклассической рациональности». По нашему мнению, следует учесть следующую характеристику нового рационального мышления, отмеченную представителями синергетического подхода. «Синергетическое видение реальности «разрешает» интуитивное достраивание бытия, характер такой достройки может иметь самостоятельный интерес» [5]. Само интуитивное достраивание возможно лишь на основе налаживания диалога между «монадами» – как индивидами, так и отраслями знания. Связи между индивидами требуют развития этических начал, прямое отношение к которым имеет религия, православие, в частности. Таким образом, православие помогает формированию самоорганизующейся системы в результате устранения конфликта (или возможности конфликта) знакового характера¹.

Синергетический подход предполагает саморазвитие, самосовершенствование субъекта, прежде всего на путях распространения этических начал на науку, научное познание², «слияние» субъекта с объектом познания. «Старое априорное различие между научными и этическими ценностями более неприемлемо» [14]. Этот тезис в настоящее время

находит все большее понимание и в западной науке. «Противопоставление моральных и интеллектуальных оценок, – считает С. Тулмин, – неоправданно: в обеих сферах критерии оценки должны быть связаны с ситуацией, в которой они применяются «экологически», а не привносятся априори» [16].

Свободное самосовершенствование в условиях осознания своей связанности с миром, ответственности за него, задолго до распространения синергетических подходов уже присутствовало в православной и буддистской религии. Эти идеи через православие вошли в понятийный арсенал русских философов права.

Для правоведов (мышление которых весьма специфично, поскольку имеет выраженный формально-логический характер) интуитивизм оказался чем-то неизвестным³. Однако постановка вопроса о новом рационализме, синергетическом подходе требует соответствующих разработок применительно к философии права.

В условиях усложнения общественной системы, приобретения ею свойств диссипативной системы, неустойчивой, с постоянно возникающими точками бифуркации и повышением непредсказуемости её развития, роль права как важнейшего элемента механизма самоорганизации общественной системы не может быть переоценена. Рассмотрение правовой системы России как системы переходного типа, находящейся в состоянии кризиса, создаёт возможность выработать реальные меры по преодолению этого кризиса.

Список литературы

1. Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 59.
2. Аршинов В. И., Казаков Н. Д. Синергетика как модель междисциплинарного синтеза // Математика, естествознание и культура. М., 1983. С. 59.
3. Венгеров А. Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. 1989. № 5.
4. Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 24.
5. Делокаров К. Х. Рационализм и социосинергетика // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 122.

¹ Именно П. Флоренскому принадлежит заслуга разработки семиотических проблем.

² «Определяющая ценностная установка, лежащая в основе идеи открытой рациональности, заключается, таким образом, в осознанной, как необходимое условие адекватного отношения к миру, готовности к постоянному совершенствованию оснований мироориентации человека как свободного и ответственного субъекта, контролирующего и проблематизирующего свои позиции по отношению к объемлющему его миру, который всегда превышает возможности «конечного» его освоения». См.: Делокаров К.Х. Указ. соч. С. 114.

³ Проблемы интуитивизма рассматривались в критическом аспекте в советской философско-правовой литературе. См., напр., работы В. А. Туманова.

6. Каган М. С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. С. 6–8.
7. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972; Тиунова Л. Б. О системном подходе к праву // Советское государство и право. 1987. № 3.
8. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 270–287.
9. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986.
10. Кудрявцев В. Н., Васильев А. М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1986. № 8. С. 12; Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию права. Саратов, 1994 и др.
11. Лотман Ю. М. Культура и взрыв... С. 28–29; Лотман Ю. Динамическая модель семиотических систем. М., 1974.
12. Митина О., Петренко В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 103–115; Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992; Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотических систем. М., 1974; Петров М. К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 79–92; Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991; Аршинов В., Свирский Я. Философия самоорганизации. Новые горизонты // Общественные науки и современность. 1993. № 3; Князева Е. Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи. М., 1991; Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992; Князева Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М., 1995; Князева Е., Курдюмова С. Синергетика: начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2; Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2; Быстрой Г. П., Пивоваров В. И. Неравновесные системы. Свердловск, 1989; Венгеров А. Синергетика и политика // Общественные науки и современность. 1993. № 4; Шевелева С. С. К становлению синергетической модели образования. Общественные науки и современность. 1997. № 1.
13. Моисеев Н. Человек и ноосфера. М., 1990; Моисеев Н. Н. Палитра цивилизаций: разнообразие и единство // Человек. 1992. № 3; Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 58–72.; Моисеев Н. Н. Социально-политический журнал. 1995. № 2; Моисеев Н. Н. Грядущие десятилетия: трудности и перспективы // Социально-политический журнал. 1994. № 2.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 386.
15. Сиверцев М. А. Влияние дискурса традиционных культур на становление полицентрического образа фундаментальной науки // Ориентация-поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 199.
16. Тулмин С. Концептуальные революции в науке // От логического позитивизма к пост-позитивизму: Хрестоматия. М., 1993. С. 212.
17. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Соч. в 2 т. М., 1999; Флоренский П. Об имени Божию. Соч. в 2 т. М., 1999.
18. Хакен Г. Синергетика. М., 1980. С. 2–3.
19. Хакен Г. Синергетика. М., 1980; Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991; Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. Введение. М.: Мир, 1990.
20. Швырёв В. С. Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 110.
21. Швырёв В. С. **Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 115.** Также: Никифоров А. Л. Соотношение свободы и рациональности в человеческой деятельности // Исторические типы рациональности. Т. 1. М., 1995. С. 111.
22. Швырёв В. С. Указ. соч. С. 116.

Статья поступила в редакцию 02.04.2012 г.